

«Обручение в монастыре»

156 на сцене ГАТ «Эстония»

Комедия Ричарда Шеридана «Дуэнья», написанная в 1775 году, была задумана английским драматургом как либретто для оперы. Может быть, поэтому режиссер Г. Ансимов назвал «Обручение в монастыре», оперу, созданную по мотивам этой пьесы, «самой оперной из всех опер Сергея Прокофьева». Ансимов поставил ее в театре «Эстония» с учетом того, что в «Дуэнье» самым необычным образом скрестились две линии творчества Прокофьева: та, что идет от «Классической» симфонии — отсюда строгая закругленность форм, брызжащий весельем оптимизм, не доводящий, однако, до гротеска, и та, что происходит от лирики Прокофьева. Лирические страницы «Обручения» сравнимы лишь с балетом «Ромео и Джульетта», с поэзией «мирных» сцен в опере «Война и мир». Быть может, именно с «Обручения в монастыре» для Прокофьева начался тот путь, по которому он пришел к откровениям Седьмой симфонии, одному из ярчайших лирических произведений всей советской музыки.

Режиссерская концепция Г. Ансимова усиливает лирическую направленность оперы. Комедийные, антирелигиозные моменты отходят здесь на второй план. Театр Ансимова бли-

же к «театру переживания», который апеллирует не столько к интеллекту, сколько к чувствам публики. Возможно, поэтому так заметны в «Обручении в монастыре» молодые артисты — молодежи всегда более свойственна непосредственность в выражении чувств.

Великолепна Лейли Таммель в роли Дуэньи. По замыслу Г. Ансимова, Дуэнья должна как бы пробудить к новой жизни старого рыботорговца Мендозу, а не просто проявиться старой скрягой, зарящейся на его капиталы. Лейли Таммель по самому складу своего дарования как нельзя более подходит именно для такой трактовки образа. И в сцене заговора, и в сцене похищения лирическое начало у нее первично, отнюдь не в ущерб комизму, который особенно ярко заметен в финале. Урве Таутс проводит роль Дуэньи более сдержанно, в более строгих красках. Пожалуй, она ближе к первоначальному прокофьевскому замыслу, чем к интерпретации его Г. Ансимовым. Логика поведения ее Дуэньи раскрывается прежде всего через вокальное мастерство, тогда как Таммель смело использует и свободу сценического поведения. Великолепен и Фердинанд в исполнении Вяйно Пуура. Точность в исполнении довольно сложной

вокальной партии, великолепная дикция, богатство эмоциональных оттенков свойственны этому певцу. Хороша и сценическая манера Пуура, тонко обрисовывающая облик молодого аристократа XVIII века. Фердинанд Тармо Сильда тоже хорош, хотя и не сравним с Пуура по богатству выразительных оттенков.

Ростислав Гурьев играет Ан-

тонио несколько скованно, ему недостает свободы в раскрытии образа. Несколько разочаровала на сей раз и Луиза — Сирье Пуура. Зная ее возможности, можно было ожидать более тонкого и точного прочтения партии. Несколько нарушает цельность образа Клары Марика Ээнсалу. Зато Клара в исполнении молодой певицы Вивьян Лаане, нынешней вы-

пускницы консерватории, великолепна, по крайней мере, с точки зрения чистоты прокофьевского стиля. Будем надеяться, что ее дарование раскроется еще больше в будущих спектаклях театра «Эстония».

Хорош Дон Джером в исполнении Калью Караска. Все сложные перипетии, связанные с этим персонажем на протяжении довольно запутанной интриги, он проводит безукоризненно. Не уступает ему и Мендоза — Тео Майсте. В соответствии с концепцией Г. Ансимова он становится одним из главных героев оперы. Нет, это не глупец, которого все водят за нос! Мендоза — Майсте с первого появления на сцене вызывает к себе уважение, и поэтому внутренняя эволюция героя так естественна.

Большое место в опере отведено музыкантам-инструменталистам, играющим на сцене (карнавальная ночь, музицирование Дона Джерома) в ключе прокофьевской имитации форм оперного театра XVIII века.

Хочется еще отметить точную и стилистически выдержанную игру оркестра под руководством Пеэтера Лиле и Велло Пяхна.

Театр открыл новый сезон. И, конечно, внимание публики приковано к одной из последних премьер — опере «Обручение в монастыре».

Марк РАЙС

На снимке: народный артист ЭССР Тео Майсте [Мендоза] и народная артистка ЭССР Урве Таутс [Дуэнья].
Фото Энделя ТАРКПЕА.
(ЭТА).